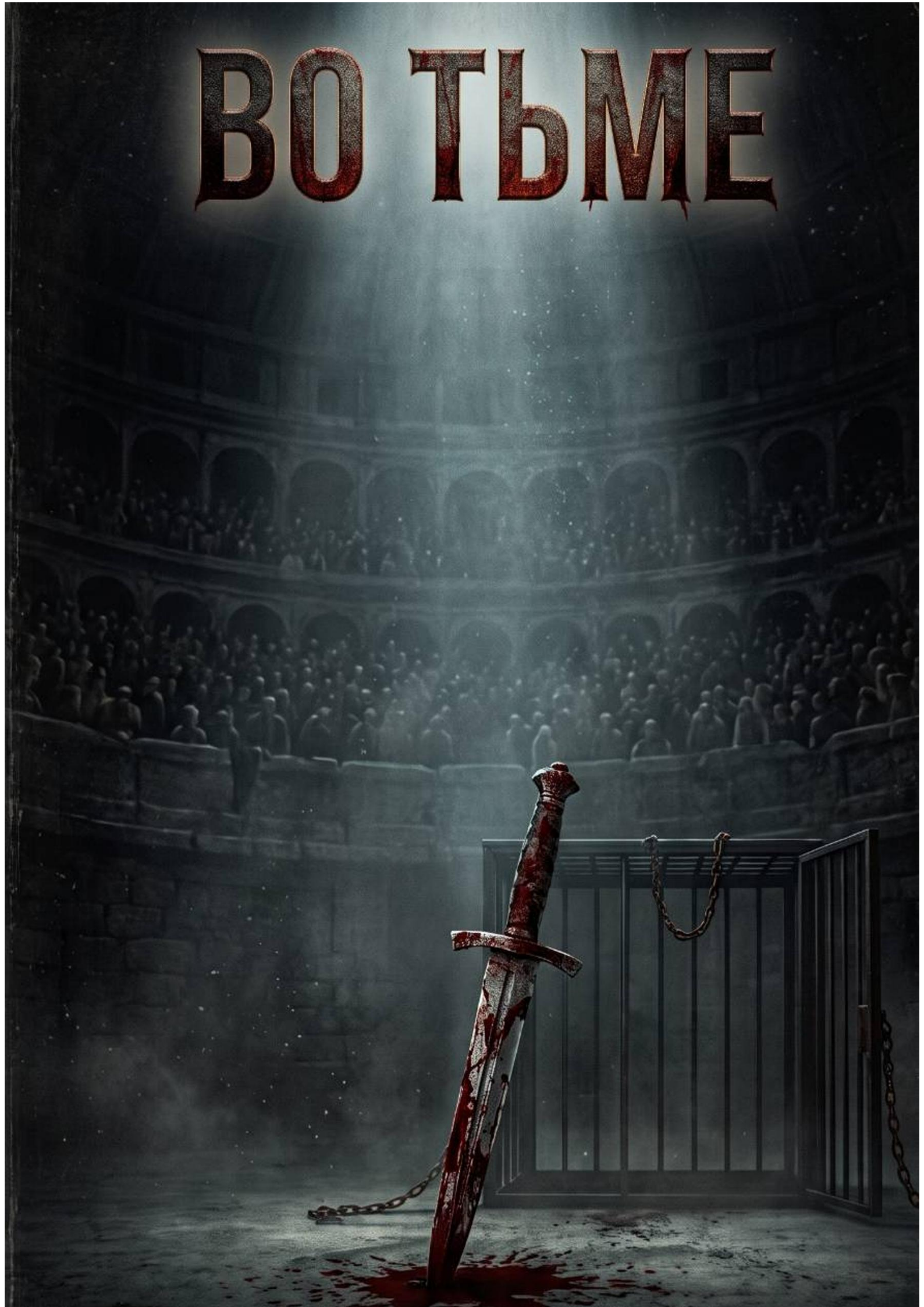

ВО ТЬМЕ

Amfetamin

Во тъме

«Автор»

2026

Amfetamin

Во тьме / Amfetamin — «Автор», 2026

Обычный душный офис. Монотонная работа, гул вентилятора и капли пота на спине. Но за этой иллюзией нормальности скрывается его личный, бесконечный ад. Стоит ему закрыть глаза, как он оказывается во Тьме — на мрачной арене перед безликой толпой, которая знает каждый его грех и каждую ошибку. В этом месте нет времени, нет милосердия и нет спасения, только жестокий суд и неминуемая смерть. Он возвращается в реальность живым, но его душа безвозвратно стареет от пережитого ужаса. Так повторялось сотни раз. Но что случится, если однажды жертва устанет бояться?

Amfetamin

Во тьме

Во тьме

Он был в офисе. Капли пота, хоть и могла бы освежать, лишь раздражала стекая по спине из-за летней жары. Его тело горело, как и всё внутри. Ему хотелось ледяной воды и этого прекрасного, искусственного дуновения кондиционера, но он словно прикипел к компьютеру. Нужно было работать. Несмотря на то, что у него были и другие важные, значимые и неотложные дела, он, обычно терпеливо завершающий свои задачи, на этот раз терпел неудачу. Какая-то преграда, какая-то стена мешала закончить работу; он не понимал причину этой стены, но она безумно раздражала. Птица за окном, щебечущая со звуком, похожим на стрекотание саранчи, раздражала больше обычного. Да и старая собака их учреждения у дверей офиса, лающая на каждого прохожего, казалась сегодня еще более невыносимой. От бессилия он глубоко вздохнул и откинулся в кресле. Прислушался к гулу лопастей вентилятора, который работал прямо на столе, но откровенно говоря не мог охладить даже самого себя. Он закрыл глаза. Попытался расслабиться. Сделал вдох. Открыл глаза.

Тьма. Тьма и только тьма, больше НИ-ЧЕ-ГО. Огромная трибуна. Он находился посреди места, похожего на стадион. Он никогда не был в Риме, но всем известный гладиаторский Колизей, вероятно, выглядел именно так. Он издал глубокий тяжелый выдох. Оказаться здесь — это последнее, чего бы он хотел. Это не было для него чем-то новым. По непонятным причинам, по неясным поводам у него была эта суперсила. Человек-Паук, Халк, Человек-Муравей... Эти способности, которые должны были превратить его в супергероя, сделали из него героя-мученика, ходячее «супер-горе». Его силой была телепортация; по крайней мере, так он решил после того, как прочитал кучу комиксов Marvel и DC и пересмотрел фильмы и сериалы. Это была телепортация в другую вселенную. Он понял это по тому, что время здесь текло иначе, чем на Земле. Здесь времени не существовало. А если и существовало, то шло гораздо быстрее. Проведенные здесь предполагаемые месяцы и годы равнялись на Земле лишь нескольким секундам или минутам. Он понимал это и потому, что, возвращаясь, попадал ровно в то же мгновение, из которого исчезал. Даже если бы он был заперт в этом неизвестном месте на долгие годы, по возвращении в мир он воссоединялся бы с собой, всё таким же молодым и ничуть не постаревшим, и жизнь продолжалась бы. Но, если спросить его, несмотря на внешнюю молодость, там, куда он переносился, его душа старела. Вот почему, даже если люди и он сам этого не видели, эта непостижимая, но существующая реальность превращала его из героя в мученика.

Сила телепортации переносила его только в это место. Из-за темноты людей, сидящих на трибунах стадиона, не было видно, но он чувствовал на себе их взгляды. Где-то далеко, но в то же время совсем близко — безжалостные взгляды хищников, которые, облизываясь, терпеливо ждали смерти своей добычи. В этих взглядах не было ни дружбы, ни сочувствия, ни милосердия, ни желания помочь. Он очень хорошо это понимал; кто бы ни был на этих трибунах, все ждали его смерти и получали от этого невероятное удовольствие. Когда он только начал сюда попадать, он очень удивлялся. Он кричал тем, кто за ним наблюдал, кем или чем бы они ни были. Спрашивал, где он находится. Умолял позволить ему уйти. Спрашивал, кто они такие, чего хотят и зачем он здесь. На такие вопросы он никогда не получал ответа. Единственным, что доносилось с трибун, был шум. Бессмысленный шум. Настолько слившийся воедино гул, что было абсолютно невозможно различить голоса — независимо от возраста, пола или того, что именно они говорили. Лишь изредка он мог разобрать отдельные фразы. Его линчевали.

В этом шуме каждый безжалостно его распинал. И всё же, по непонятным причинам, те, кто был на трибунах — кто бы или что бы это ни было, — знали всю его жизнь. Всё, что он сделал с самого рождения. Все его ошибки, сожаления, несостоявшиеся встречи, несказанные или несдержанные обещания. Абсолютно всё. От украденного в 25 лет хот-дога в буфете до кота, которого он в 12 лет из любопытства едва не задушил — они знали обо всем. И когда он оказывался на этом стадионе, его судили, словно на судебном заседании, за тяжкие преступления всей его жизни, без права на защиту и без адвоката. Это было его проклятием. Самым тяжелым наказанием из возможных. Честно говоря, он и сам не мог им противостоять. Потому что в глубине души считал, что этот суд справедлив, что всё или почти всё сказанное — правда, и он заслуживает этого наказания. Это был его заслуженный персональный ад. Гнев Божий. Или, возможно, того самого кота, которого он пытался задушить собственными руками? Чей это был гнев и какое правосудие его настигло, он не знал, но не сомневался, что это было именно правосудие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.